

Чу Юй, опираясь на стену и держась за живот, прихрамывая, поднимался по лестнице.

Солнце уже стояло высоко, а в девять утра он снова подставил свою задницу Сун Цзиньчэню. Возможно, тот вошёл слишком глубоко, поэтому теперь у него ныло в животе.

Две плоти между ног ещё не спали, липко терлись друг о друга при ходьбе. Конечно, он мылся в ванной Сун Цзиньчэня, но каждый раз, когда эти болезненные и зудящие части тела соприкасались, каждый раз, когда он вспоминал, отчего они опухли и ободрались, он снова предательски намокал.

Вокруг никого не было. Чу Юй остановился на лестничной площадке, глубоко вдохнул и, сквозь штаны, сильно сжал себя, пытаясь болью снять жар, прежде чем продолжить путь.

Дома, в гостиной, уже сидели коллекторы. Чу Цзюньхун, его отец, сидел на корточках, обхватив голову руками. В комнате царила гробовая тишина, слышен был лишь лёгкий звук затяжки, которую делал главарь. Снаружи палило яркое солнце, но Чу Юй словно вошёл в ледяной погреб. Холод медленно поднимался по спине, давил на плечи, спускался по позвоночнику и оседал комом в животе.

Он выдохнул, аккуратно положил на стол три или четыре пачки денег и безэмоционально произнёс:

— Забирайте и отпустите моего отца.

Главарь, затягиваясь сигаретой, бросил на него косой взгляд. Худощавый, как обезьяна, подчинённый подошёл, взял деньги и начал пересчитывать:

— Босс, всё чисто.

— Ладно, отпустите его, — главарь стряхнул пепел с брюк и усмехнулся. — Старик Чу, ты воспитал хорошего сына. Впредь заходи почаще.

Чу Юй оставался недвижимым, отчеканивая каждое слово:

— Если будет следующий раз, можете просто прикончить его. Деньги я всё равно отдам.

— Щенок, что ты сказал! — Чу Цзюньхун подскочил.

Главарь-коллектор поднялся, похлопал Чу Юя по плечу:

— Ха-ха, братишка, ты хороший сын, не злись на отца.

Чу Юй дёрнул плечом, отстраняясь, открыл дверь и жестом указал на выход. Только тогда группа крепких парней неспешно удалилась.

— Босс, а парень-то серьёзный? — в коридоре худощавый, что считал деньги, спросил главаря.
— Я глянул, все купюры новые, к тому же не подряд. Всего одна ночь — откуда он столько набрал?

— Откуда? — Главарь хмыкнул, и в его голосе слышались хитрость и презрение. — Задницу продал.

— Да что вы? — Худощавый, услышав это, тоже цокнул языком. — В наше время ещё и продают себя, чтобы отца похоронить? Но на вид-то не скажешь, парень худой, как щепка.

— От него так и несёт запахом выеденного, не иначе.

В комнате отец и сын схватились в драке. Чу Цзюньхун хрипел:

— Ты ещё говоришь, чтобы меня убили! Я твой отец! Твой отец! Ты неблагодарный выродок! Ублюдок, рождённый шлюхой! Я тебя, тварь, прибью!

В обычное время Чу Цзюньхун со своим хилым видом не был бы соперником для Чу Юя. Но сегодня, возможно, из-за вчерашних переживаний, у Чу Юя не было сил ни в руках, ни в ногах, и его мutilо. Он не смог уклониться от ударов, и Чу Цзюньхун попал кулаком прямо в живот, от боли Чу Юй чуть не вырвало. Чу Цзюньхун, видя, что тот свернулся калачиком, как креветка, тут же лягнул его ногой, а видя, что Чу Юй держится за живот, принялся пинать именно туда.

— Сдохни, щенок! Тварь бессовестная! Вечно мне поперёк горла встаёшь! Сегодня я тебя, неблагодарного выродка, до смерти задубашу!

Чу Юя дёрнули за волосы, его лицо и голова оказались под градом десятка пощёчин, из носа хлынула кровь. Чу Цзюньхун, устав от избиения, просто плюхнулся седлом на живот сына. Вес взрослого мужчины под сотню килограммов, резко обрушившийся вниз, чуть не заставил Чу Юя выплюнуть кровь.

Сопротивляться он уже не мог, глаза не открывались, голова и живот болели, по всему телу разливался холод. Чу Цзюньхун то ругался, то отдыхал, и, видя, что сын не двигается, занёс руку для нового удара:

— Прикидываешься дохлым? Сегодня я тебя проучу, чтобы знал, кто здесь отец, а кто сын!

Чу Юй обхватил голову руками, но удар не последовал — Чу Цзюньхун был резко отброшен в сторону. Чу Юя подхватили за торс и оттащили. Перед ним стоял Чу Хуань с рюкзаком за плечами, дрожа от гнева, с кухонным ножом в руке:

— Попробуй ещё раз тронуть моего брата!

— И ты, щенок, не знаешь, кто твой отец, да? — Чу Цзюньхун знал, что младший сын всегда

был трусливым, но сегодня и тот оскалился на него, что лишь подлило масла в огонь его ярости.

Но Чу Хуаню уже исполнилось пятнадцать, он быстро рос и крепчал. Чу Цзюньхун, устав от избиения старшего сына, не имел уже сил бороться с младшим и, пробормотав несколько ругательств, поспешил ретироваться вдоль стены.

— Брат! Брат, ты в порядке? — Чу Хуань испугался, увидев всё лицо Чу Юя в крови, и начал судорожно вытирать её салфетками.

Чу Юй, держась за живот, почувствовал, как между ног начинает сочиться что-то странное и тёплое, и схватил брата за руку:

— Помоги... помоги мне дойти!

— Да-да-да, хорошо! Брат, полегче!

Чу Хуань помог Чу Юю дойти до спальни, но у двери Чу Юй вдруг изо всех сил оттолкнул брата и, повернувшись, щёлкнул замком.

— Брат! Брат, что ты делаешь? — Чу Хуань забарабанил в дверь, не понимая внезапной перемены.

— Всё в порядке... — Чу Юй прислонился спиной к двери и мягко сполз на пол, но даже нашёл в себе силы слабо усмехнуться, одновременно засовывая руку в штаны. — Хуань, ты ещё не ел? Иди перекуси, я тебе потом компенсирую.

Он вытащил руку, она была вся в крови, и дышать стало ещё труднее.

— Брат! Да что с тобой такое, скажи мне! — Чу Хуань кричал за дверью. Он не понимал ненормального физического состояния брата, думая, что Чу Юй просто убит горем из-за отца-игрока. — Я уже вырос, я его не боюсь, я могу тебе помочь...

— Правда, всё в порядке, — Чу Юй вытер пальцы о штаны, закатил глаза, потемневшие от слабости, и изо всех сил втянул в себя два глотка воздуха. — Иди... иди поешь, дай мне... дай мне побыть одному...

Чу Хуань, не зная, что делать, удалился, наполовину веря, наполовину сомневаясь.

В конференц-зале Сун Цзиньчэнь, подперев голову рукой, слушал отчёт. Лежащий на столе телефон завибрировал. Он взглянул — незнакомый номер, но городской.

Наверное, ошибка. Он отклонил вызов. Но номер набрал снова. Сун Цзиньчэнь нахмурился, жестом остановил докладчика и, поднеся трубку к уху, ответил.

В трубке послышалось тяжёлое, прерывистое дыхание, похожее на стон раненого зверька, а затем хриплый голос Чу Юя:

— Сун Цзиньчэнь... Ты... ты не мог бы... забрать меня... отвезти в больницу?

Сун Цзиньчэнь поднял глаза, взглянул на слайд презентации на стене, и, едва замешкавшись на мгновение, Чу Юй уже поспешил отказаться:

— Ладно... занимайся своими делами...

Какая обидчивая гордость — малейшую паузу принял за отказ. Отчёты были каждый день, а волчонок, жалобно просящий о помощи, — нет. Сун Цзиньчэнь не стал больше колебаться и, как всегда, кратко спросил:

— Где ты?

Когда Сун Цзиньчэнь приехал, Чу Юй сидел, свернувшись калачиком, у фонарного столба, опустив голову, и курил — ему было больно, и только проникающий в лёгкие никотин мог на миг облегчить страдания.

Дважды прозвучал автомобильный гудок. Чу Юй поднял смертельно-бледное лицо. Сцена была та же, что и раньше: Сун Цзиньчэнь опустил стекло, но на этот раз у Чу Юя не было сил даже подойти.

Сун Цзиньчэнь вышел из машины, подхватил Чу Юя на руки. Увидев красные полосы под носом и отёкшие следы от пощёчин на лице, весь его вид — едва живой — Сун Цзиньчэнь помрачнел. Всего несколько часов не видел, а он уже умудрился довести себя до такого плачевного состояния.

— Что с животом? — спросил он, заметив, как Чу Юй прижимает к нему руку.

— Не знаю... — Чу Юй слабо покачал головой. Губы были синевато-белыми, изнутри виднелась ярко-розовая мякоть, капли пота катились по лицу, он дрожал, словно в экстазе. — Пнули несколько раз... Кровь... внизу...

Если бы в этот момент Сун Цзиньчэнь не был ослеплён этой странной, истерзанной красотой и похотью, он бы, наверное, догадался, что симптомы Чу Юя, угрожающие жизни, — не более чем менструация плюс стрессовая гипогликемия.

— Поезжай, в Хэцзи, — распорядился он водителю.

Машина ехала быстро, но плавно, и минут через десять они прибыли. Сун Цзиньчэнь вынес Чу Юя из машины, и навстречу им вышла женщина-врач в белом халате, а за ней две медсестры.

— Чжун Яо, погоди, — Чу Юя уже уложили на каталку, но Сун Цзиньчэнь схватил врача за рукав и что-то тихо сказал ей на ухо. Выражение лица женщины-врача несколько раз менялось, и в конце концов она серьезно кивнула.

— Сначала на обследование.

Полчаса спустя Чу Юй, получивший обезболивающее и обработанные раны, сидел напротив доктора Чжун Яо.

<http://bllate.org/book/15448/1370454>